

М. Я. Жилин

ТРОПАМИ ГЕОРГА СТЕЛЛЕРА

В статье рассказывается об открытии на острове Беринга памятника первому исследователю Командорских островов Георгу Стеллеру, и мемориального комплекса, посвящённого его последователям. Анализируются исследования научных сотрудников лаборатории морских зверей, созданной в Камчатском отделении ТИНРО в 1959 г., и роль учёных в восстановлении стад морских котиков и каланов.

Ключевые слова: Командорские острова, Георг Стеллер, исследователи животного мира, морские котики, сивучи, каланы.

M. Ya. Zhilin

FOLLOWING GEORGE STELLER'S TRAILS

The article tells about the opening of a monument to the first explorer of the Commander Islands Georg Steller and a memorial complex dedicated to his followers on Bering Island. The author analyzes the researches of scientists of the laboratory of marine animals established in the Kamchatka branch of TINRO in 1959 and the role of scientists in the restoration of fur seals and sea otters' herds.

Keywords: The Commander Islands, Georg Steller, wildlife researchers, fur seals, sea lions, sea otters.

Памятник учёному-натуралисту Георгу Стеллеру, первому исследователю Командорских островов, и мемориальный комплекс, посвящённый его последователям, установлены на острове Беринга, жители которого 10–12 сентября 2021 г. отметили 280-ю годовщину открытия этой земли в Тихом океане.

Георг Стеллер – участник Второй Камчатской экспедиции Витуса Беринга. Возвращаясь от берегов Северной Америки на пакетботе «Святой Пётр», мореходы, измученные болезнями и штормами, вынуждены были пристать к незнакомой земле, оказавшейся необитаемым островом. Девять месяцев (ноябрь 1741 – июль 1742) провели участники экспедиции на суровой земле в океане. Здесь умер командор Витус Беринг и 14 его спутников. Выжившие мореходы во многом обязаны Георгу Стеллеру, натуралисту и врачу, который собирал на острове целебные травы и лечил больных.

Во время зимовки на острове Стеллер даже в экстремальных условиях продолжал заниматься исследованием природы и животного мира. Он описал морских котиков, сивучей, каланов, обнаружил около 220 видов растений. Он был единственным учёным, кто наблюдал и описал редкое животное – морскую корову. Спустя 27 лет после открытия острова она перестала существовать – была выбита промысловиками [1].

Памятник Стеллеру и мемориальный комплекс расположены у Северо-Западного мыса, тропы, ведущей на лежбище морских котиков. В день открытия, 11 сентября 2021 г., у береговых скал острова бушевал шторм, ветер перекачывал

волны трав, набегавшие тучи разряжались дождём – типичная командорская погода. В эти часы особенно остро воспринималась драматическая история открытия острова, мужество и целеустремлённость его первопроходцев.

В мемориальном комплексе представлены фотографии и рассказы об исследователях Командорских островов от Стеллера до наших дней. Заметный след в изучении морских животных оставили: управляющий Командорскими островами Николай Гребницкий (1877–1907), американский зоолог Леонард Стейнегер (1851–1943), доктор биологических наук Евгений Суворов (1880–1953), смотритель за рыбными и пушными промыслами Александр Черский (1879–1920), доктор биологических наук Илья Барабаш-Никифоров (1894–1980), доктор биологических наук Елена Ильина (1909–1907), изучавшая биологию песца и организацию островного звероводства.

Особый период в исследовании животного мира Командоров занимает вторая половина XX в. В 1955 г. на островах был создан наблюдательный пункт ТИНРО (г. Владивосток), который возглавил молодой зоолог Сергей Владимирович Марakov, выпускник Московского пушно-мехового института.

В 1957 г. между СССР, США, Канадой и Японией была заключена Международная конвенция по охране морских котиков в северной части Тихого океана. В связи с расширением научных исследований, предусмотренных программой конвенции, в 1959 г. в Камчатском отделении ТИНРО (г. Петропавловск-Камчат-

ский) была создана котиковая лаборатория. Первым заведующим лабораторией был кандидат биологических наук Пётр Георгиевич Никулин. В лаборатории работали С. В. Мараков, Г. А. Нестеров, Д. И. Чугунков, В. Ф. Мужчинкин, Б. В. Хромовских, Ф. Г. Челноков и другие.

На протяжении более сорока лет я общался с сотрудниками лаборатории, во время журналистских командировок встречался на Командорах, бывал с ними в экспедициях и потому хочу кратко рассказать об их работе.

Впервые я побывал на острове Беринга в 1962 г. Командировка оказалась неожиданной. На остров шёл пограничный сторожевой корабль, и знакомые пограничники пригласили отправиться с ними в поход.

Было начало ноября – время штормов в океане. И я со спутником, киевским журналистом и поэтом Леонидом Тендюком сполна ощутил, что такое качка и морская болезнь. Трое суток корабль ходил вокруг острова в поисках защищённой от ветра бухты. Однажды штурман позвал нас в рубку и вручил бинокль: «Вон берег бухты, куда 4 ноября 1741 г. шторм выбросил пакетбот Беринга». Мы вглядывались в берег, где на террасе среди пожухлых трав вырисовывался крест на могиле командора. События далёких дней вдруг стали близкими. Мы вспомнили подробности тяжёлой зимовки мореходов, выдержавших суровые испытания. Летом 1742 г. из останков разбитого пакетбота они построили гукор меньшего размера и вернулись на Камчатку.

Во время относительного затишья мы высадились на берег у села Никольского.

Три дня мы провели в посёлке. Встречались с жителями села, звероведами песцовой фермы, с гидрометеорологами. До отхода корабля оставалось двое суток. Как же увидеть морских котиков? До лежбища километров тридцать. Регулярного транспорта туда нет. Промысел давно завершился. Научные сотрудники вернулись в свои городские учреждения. Да и можно ли застать этих редких зверей на лежбище? Осенью они уплывают к местам зимовки в южные воды.

Директор зверокомбината Лев Алексеевич Мамонтов утешил нас: котики держатся на лежбище до конца ноября, а иногда и позже. Посоветовавшись с кем-то по телефону, он обрадованно сказал:

– Завтра на Северное лежбище идёт трактор с прицепом за котиковыми тушами для песцовой фермы. Так что вам повезло. С вами поедет алеут

Михаил Пешков, промысловик. А провожатым будет инспектор рыбнадзора Егор Томатов.

– Только смотрите, пишите о котиках, – напутствовал нас директор. – А то был здесь один случай. Приехала художница из Москвы, очень хотела нарисовать морских котиков. Мы её завезли на лежбище. А на полотне вместо котиков оказалась лошадь в упряжке. Стоило ехать за тридевять земель.

Опущу подробности пятичасовой тряски на тракторных санях по тундровым кочкам. Усталость сразу отошла на второй план, когда мы увидели на береговой полосе лоснящихся котиков.

– Видели бы вы, какие бурные страсти кипят здесь летом, – рассказывал Егор Томатов, сопровождая нас по лежбищу. – Секачи в яростных схватках формируют гаремы – идёт борьба за продолжение рода. Лежбище в этот период превращается в бурлящий муравейник.

Вернувшись в Петропавловск, я встретился с руководителем котиковой лаборатории в Камчатском отделении ТИНРО. Пётр Георгиевич Никулин подробно рассказал о работе сотрудников лаборатории, особо остановился на драматической истории котиков и каланов после открытия острова Беринга:

– Котики дважды оказывались на грани исчезновения, – отметил он. – Первый раз – во второй половине XVIII столетия, когда вспыхнувший промысловый ажиотаж привёл к безудержному забою детёнышей 3–4-х месячного возраста без различия пола. Второй раз – в конце XIX – начале XX-го столетия из-за чрезмерного промысла взрослых на лежбищах и в море вблизи Командорских островов. Оба раза котиков спасли международные конвенции. Особенно быстрый рост командорского стада начался после подписания в 1957 г. Международной конвенции между СССР, США, Японией и Канадой. Результат заметен уже сейчас. На острове Беринга образовалось новое лежбище котиков в районе Северо-Западного мыса [2, 3]. Приезжайте летом на Командоры. С нашей работой лучше знакомиться непосредственно на островах, – сказал Пётр Георгиевич.

Через два года я снова побывал на Северном лежбище острова Беринга. Когда пышущий жаром вездеход остановился у крайнего дома промысловиков, мы увидели Петра Георгиевича Никулина, шедшего нам навстречу.

Среди приехавших пассажиров был учёный из Москвы Виктор Александрович Арсеньев, куратор исследований, предусмотренных меж-

дународной программой конвенции. Увидев его, Никулин от неожиданности крикнул, развёл руками. Они обнялись, как старые друзья.

– Ну, а сейчас пить чай, – распорядился Пётр Георгиевич.

Когда мы заканчивали чаепитие, пришёл невысокий, плотно сбитый парень в резиновых сапогах и с фотоаппаратом через плечо. «Геннадий Нестеров, научный сотрудник», – коротко представился он.

Третьим жильцом в доме оказался студент-практикант Валентин Пинигин. Когда он вошёл с охапкой тундровых цветов, комната сразу наполнилась свежим ароматом.

Валентин – студент звероводческого факультета Иркутского сельскохозяйственного института. Он проходил здесь практику и одновременно исполнял обязанности инспектора Камчатрыбвода.

С мая месяца, когда лежбища начинают заполнять звери, для научных сотрудников наступает «полевой сезон». Они ведут наблюдения за поведением котиков на лежбище, следят за формированием гаремов, структурой стада, ведут учёт детёнышей, контролируют промысел.

Дом, где живут научные сотрудники, это и полевая лаборатория. На стене висит карта Берингова моря с пометками лежбищ морских зверей. Шкаф с книгами от «Флоры северного края» до художественных произведений. Тумбочки с приборами, чучелами птиц, скелетами...

Пётр Георгиевич Никулин – старейший среди исследователей и по возрасту, и по опыту работы. Его первые исследования морских зверей относятся ещё к тридцатым годам. На рабочем столе лежит его последняя работа «Доклад об исследованиях морских котиков за 1958–1963 гг.». Он предназначен для Постоянного научного комитета, созданного в рамках конвенции.

Стол Геннадия Нестерова заполнен тетрадями с записями наблюдений. В пишущей машинке «Олимпия» заложен лист бумаги – начало очередной статьи. На полке белый парусник из пенопласта, который он вырезает в свободное время в подарок сыну.

Угол Валентина Пинигина забит чучелами птиц, коллекцией тундровых растений – их он обещал привезти на кафедру в институт. На подоконнике – перламутровые раковины, яйца кайр, зубы сивучей. На столе – учебник английского языка, словарь и тетрадь с записями наблюдений.

Рабочий день начинается рано. С четырёх утра научные сотрудники на ногах. Под их кон-

тролем рабочие совершают отгон группы холостых котиков для промысла.

Сегодня «научникам» предстоит провести эксперимент по обездвиживанию животных. Дело в том, что до сих пор котиков бьют древним способом – обычной палкой. Зрелище это очень неприятное. Кроме того, в местах удара шкура получается с браком. Геннадий Нестеров смастерил инъектор. К длинному бамбуковому шесту приспособил резиновый шланг с иглой. Во время укола происходит впрыскивание обездвиживающего вещества дитилина. Полторы-две минуты – и зверь замирает. При таком способе сохраняется качество меха. Опыты показывают его эффективность.

– Но беда в том, что инъектор мой кустарного производства, – говорит Геннадий Александрович. – Иглы тонкие, гнутся. Нужен компактный прибор, в котором и шланг, и дитилин были бы заключены в прочную металлическую трубку. В институте сконструировали такой прибор, чертежи отправлены в экспериментальные мастерские одного московского учреждения, но заказ до сих пор не выполнен.

Забегая вперёд, отмечу, что этот метод был внедрён на промысле котиков, а также тюленей в Белом море. Г. А. Нестеров получил авторское свидетельство и был награждён золотой медалью ВДНХ [4].

В день нашего приезда обитатели дома разделили радость Геннадия. Виктор Александрович Арсеньев привёз из Москвы оттиск его статьи о командорских сивучах, опубликованной в трудах ВНИИРО (Всесоюзного научно-исследовательского института рыбного хозяйства и океанографии). По этому поводу Нестеров обещал угостить во время обеда командорскими деликатесами – котиковым сердцем и редиской, выращенной им здесь же, на огороде.

Огород – это десять шагов в длину и шесть в ширину. Весной Геннадий вскопал землю, посеял семена редиски. Заботливо ухаживал за грядками. И вот выращен зелёный урожай на суровой командорской земле.

Обедали на свежем воздухе. Расселись на мягких тундровых кочках. Что это был за обед – судите сами: редиска, икра, уха из горбуши, котиковое сердце, масло, чай.

Нестеров семь лет работает на Командорах. После окончания Московского пушно-мехового института был направлен на далёкие острова.

– Почти месяц добирался сюда на зверобойной шхуне «Нерпа» из Владивостока, – рассказывал он. – В Сангарском проливе вышел из

стройка двигатель. По сигналу «SOS» нас взял на буксир китобоец, находившийся в этом районе, и доставил на остров Шикотан. Десять суток ремонта и столько же в штормовом океане, – наконец, в мае 1957 г. увидели туманный берег острова Беринга. Встретил меня Мараков Сергей Владимирович, пригласил в гости, посвятил в работу, которую предстояло выполнять на острове Медном. С лаборантом, алеутом Геннадием Яковлевым, зимой жили в селе Преображенском, а летом перебирались на Юго-Восточное и Урилье лежбища, где вели наблюдения за котиками и каланами, сивучами и нерпами, а также за морскими птицами. Словом, изучали весь прибрежный природный комплекс.

В конце рабочего дня Никулин и Нестеров познакомили нас с лежбищем котиков. Оно располагалось примерно в километре от домиков. Длинная закрытая эстакада привела к вышке, с которой удобно было наблюдать за зверями.

– А вот и сюрприз – котик с одним задним лаптом, – обратил наше внимание Пётр Георгиевич Никулин. – Наверняка побывал в океане в зубах кита-косатки. Эти хищники иногда нападают на котиков и каланов.

Геннадий Нестеров поймал одного из малышей, чтобы поставить метку. По ней можно отслеживать за его передвижением по лежбищу. Малыш сопротивляется, пытается вырваться. Удержать его за жирный загривок нелегко. Кисточкой Геннадий провёл белые полосы по бокам до самых лаптов. И отпустил малыша. Успокоившись, тот важно заковылял по лежбищу, вызывая любопытство у сверстников.

Обычно в конце сезона размножения учёные и промысловики ведут подсчёт малышей и метят четвертую часть приплода – к лапам прикрепляют алюминиевые метки. По меткам они наблюдают передвижение котиков на лежбище, их рост и развитие, изучают пути миграций в океане.

В первых числах августа к Северному лежбищу подошло охранное судно «Бодрый», чтобы доставить учёных на остров Медный. По программе там было запланировано проведение учёта и мечение приплода. К этому времени распадаются гаремы, и учётные работы можно проводить при минимальном беспокойстве котиков.

На шлюпках моряки высадили нас к подножью Юго-Восточного мыса, где на узкой береговой полосе среди скал резвились звери. Деревянная лестница от моря поднималась к горным вершинам, где находились домики промысловиков и научных сотрудников. Что-

бы добраться туда, нужно было преодолеть 374 ступеньки лестницы. Молодые ребята алеуты почти бегом преодолевали их, таская на плечах рюкзаки и ящики с продуктами. Людям же старшего возраста приходилось отдыхать на скамейках, сделанных через каждые 50 метров на лестнице.

Вместе с нами пришёл на «Бодром» совершавший по Камчатке поездку известный поэт Сергей Сергеевич Наровчатов. Почти весь день мы провели на лежбище с научными сотрудниками и рабочими, ведущими учёт приплода котиков. А затем в сопровождении студентов-практикантов прошли берегом, фотографируя живописные скалы.

Когда пришло время возвращаться к домикам, оказалось, что пройти назад по берегу к лестнице невозможно – на узкой кромке между скалами и морем находятся грозные секачи. Они бросались на нас, грозя нанести увечья. Пришлось подниматься по крутой и скользкой тропе. Хуже всего пришлось Сергею Сергеевичу Наровчатову. Оказалось, что у него больные ноги – последствия обморожения в годы войны. Более того, проблемы с сердцем. Он отправляет в рот таблетку за таблеткой валидола. Втроём – Володя Прянишников, Валентин Пинигин и я, как можем, поддерживаем его под руки, и шаг за шагом, делая частые остановки для отдыха, поднимаемся на вершину скалы.

Когда мы рассказали учёным, по какой причине задержались, они не удивились. Пётр Георгиевич Никулин сказал: «У меня был подобный случай здесь же, на Юго-Восточном мысу. Секач не пропустил через свою территорию. Вечер, дождь. Помощи ждать не от кого. Пришлось карабкаться по крутой, почти отвесной скале. Риск сорваться был большой. Вот почему мы запрещаем ходить в одиночку по лежбищу. Кстати, американские и японские учёные, когда приезжали сюда для обмена опытом исследований, видя крутые тропы, отказывались спускаться по ним к лежбищу. Они наблюдали за котиками в бинокли».

Вечером обитатели Юго-Восточного мыса устроили посиделки по случаю дня рождения Володи Прянишникова, студента-практиканта, однокурсника Валентина Пинигина. Ему исполнилось 26 лет. Отметить это событие собрались все присутствующие. Это были люди разных поколений. Виктор Александрович Арсеньев и Пётр Георгиевич Никулин более тридцати лет занимались исследованиями морских зверей. В. А. Арсеньев участвовал в экспедици-

ях в Антарктиду, Новую Зеландию, Австралию. П. Г. Никулин изучал сивучей, белух, нерп во льдах Охотского моря, моржей на Чукотке. С американскими коллегами побывал в экспедиции на котиковых лежбищах островов Прибылова. Даже отрывочные воспоминания учёных были своеобразными уроками для молодых исследователей.

Замечу, что Командоры стали местом жизни и работы Валентина Пинигина и Володи Прянишникова после окончания института. Пинигин долгое время возглавлял командорскую инспекцию по охране морских зверей. Затем был заместителем начальника Камчатрыбвода. В этих же охранных структурах работал до выхода на пенсию и Владимир Прянишников.

На вечере я познакомился с двумя сотрудниками лаборатории морских зверей – Вадимом Мужчинкиным и Дмитрием Чугунковым. Оба успели зарекомендовать себя вдумчивыми исследователями. Вадим Мужчинкин был аспирантом кафедры зоологии МГУ. Позже он перешёл работать в один из московских институтов, защитил кандидатскую диссертацию, издал книгу «Морские львы и котики» (1987).

Дмитрий Чугунков после окончания Московского пушно-мехового института в 1956 г. чуть ли не сразу оказался в кресле директора зверозавода на острове Беринга. На аргументы «нет опыта» ему сказали: «Опыт приобретается в работе». Так что в лабораторию морских зверей Дмитрий Иванович пришёл, имея хороший багаж знаний. Уже первые его научные работы отличались глубоким знанием биологии зверей, серьёзной аргументацией выводов.

В те годы кое-кто, видя на лежбищах рядом с котиками грузных сивучей, стал утверждать о вреде сивучей, которые якобы вытесняют котиков с лежбища. В одном документальном фильме Дальневосточной студии кинохроники прямо говорилось о необходимости изгонять сивучей с лежбища и даже отстреливать их. Кстати, и в некоторых научных статьях проскальзывала мысль об отрицательном влиянии сивучей на котиков. Дмитрий Чугунков не согласился с такими суждениями. Он опубликовал данные трёхлетних наблюдений в статье «Сивучи и котиковое хозяйство Командорских островов» [5]. На конкретных примерах он показал, что сивучи, занимая с весны гаремные участки котиков, по мере подхода котиков освобождают территорию и переходят на второстепенные участки. Драк между сивучами и котиками не отмечено,

как и гибель щенков. «Мысль об отпугивании, более того, отстреле сивучей – одного из редких представителей фауны Командорских островов, недопустима», – говорил Дмитрий Иванович. В справедливости его слов мы убеждаемся ныне. После увеличения численности сивучей в 1960–1970-е гг. последовал спад. С середины 1980-х гг. их стада в северной части Тихого океана находятся в депрессивном состоянии. Они занесены в Красную книгу.

С Дмитрием Ивановичем Чугунковым мы подружились. Я обращался к нему за консультацией, готовя материалы для печати. На протяжении почти сорока лет он изучал разные виды морских зверей – нерп, сивучей, моржей, но большую часть своей жизни посвятил изучению морских котиков. Северо-Западное лежбище на острове Беринга с весны до осени становилось местом его работы. Он собирал данные по различным вопросам воспроизводства котикового стада, его структуре, приплоде, выживаемости молодняка. Анализируя эти данные, предлагал меры по совершенствованию промысла.

В середине 1960-х гг. из-за перепромысла 3–4-летних котиков сократилось число гаремных секачей, а затем приплода и самок.

С учётом накопленных к этому времени знаний, Д. И. Чугунков предложил переориентировать промысел на добычу сеголеток, которых после линьки за их цвет называют серенькими или серебристыми. Как показали исследования, ежегодно 30 % приплода погибает в море, не доживает до двухлетнего возраста – времени возвращения на лежбище. Новый же способ позволял контролировать изъятие молодняка. Да и шкура отличалась лучшим качеством.

Не сразу было принято это предложение. Но с 1987 г. оно было внедрено в практику и подтвердило свою эффективность.

В 1969 г. мне посчастливилось участвовать в экспедиции на остров Медный, организованной лабораторией морского зверя. Кроме изучения котиков, сивучей, нерп, программой работ предусматривалось проведение эксперимента по отлову и содержанию в бассейне калана. В экспедиции участвовали Г. А. Нестеров, Д. И. Чугунков, Б. В. Хромовских, студенты-практиканты.

На среднем рыболовном траулере-морозильщике «Сескар» мы вышли из Петропавловска в первых числах мая на остров Беринга. Там участники экспедиции должны были взять шлюпку, металлическую сетку для сооружения вольера, строительные материалы и ряд другого оборудования. Но когда подошли к острову

Беринга, с высадкой случилась осечка. Капитан отказался высаживать на берег, мотивируя отсутствием плавсредств на траулере.

– А шлюпки, принайтованные на борту?

– Это спасательные шлюпки. Их можно использовать только при чрезвычайных ситуациях. Запрашивайте зверозавод, пусть он высыласт катер.

Легко сказать – запрашивайте. А как это сделать? Прямой связи у траулера с берегом нет. А впереди три дня майских праздников.

До острова же рукой подать. Чайки парят над кораблём, летят в сторону берега, где ребятишки гоняют футбольный мяч. Волны бросаются к ним чуть ли не под ноги.

И тут мы вспомнили бутылочную почту, к которой издавна прибегали моряки, оказавшиеся в бедственном положении. Бросились по каятам искать бутылки. Но их нигде не было.

– Не отчаивайтесь, записку можно отправить в полиэтиленовом пакете, – предложил кто-то.

Через несколько минут записка была в полиэтиленовом «конверте», его завязали красной лентой, чтобы издали был виден, и бросили в море.

Минут через двадцать в бинокль видим: наше письмо волны выбросили на берег. Ветерок развеивает красную ленту, словно просит обратить на неё внимание. И ребятишки увидели. Подбежали к находке, прочитали записку и побежали в посёлок. А через полчаса, разрезая волны, к нам шла самоходная баржа.

Два дня мы провели на острове Беринга. К грузу, привезённому из Петропавловска, добавились несколько блоков кирпича, металлические сетки, стройматериалы. Загрузили всё это на МРС – малый рыболовный сейнер «Елец» и взяли курс на остров Медный. Но добраться до бухты Глинки, где экспедиция должна высадиться для изучения каланов, нам не удалось. У берегов острова бушевал шторм. Мы остановились в селе Преображенском. Несколько раз «Елец» делал попытки доставить нас к месту назначения, но из-за шторма возвращался в село. Только на пятые сутки во время относительного затишья сейнер бросил якорь в открытой бухте у мыса Глинки. На шлюпке мы переправили сотни килограммов груза на берег, перетаскивали его к дому, который возвышался метрах в ста от берега.

Несколько дней Дмитрий Чугунков, Геннадий Нестеров – все, кто был в экспедиции, помогали Борису Хромовских в ремонте дома и

полуразвалившегося помещения, в котором соорудили душевую, установив титан, привезённый из города. К титану с помощью шланга подвели воду от ближайшего ручья. Хорошая оказалась банька!

Затем сотрудники лаборатории прямо на ручье, скатывающемся со склонов сопки, соорудили для калана бассейн, обтянув металлической сеткой.

В бинокль от домика можно было наблюдать в море около сотни каланов. Они держались плотной группой.

– Это холостяки кормятся, – сказал Хромовских. – К ним могут примыкать звери старших возрастов. Летом при спокойном море они всё время держатся на воде. И лишь в штормовую погоду вылезают на берег.

В лабораторию морского зверя Хромовских пришёл в 1963 г. после окончания Иркутского университета. Ему поручили изучение каланов – зверей редких и малоизученных. С апреля по сентябрь Борис с лаборантом, а чаще один, жил возле бухты Глинки, вёл наблюдения за поведением, численностью, распределением зверей у берегов.

Во время открытия острова Беринга в его водах обитали многочисленные стада каланов или морских бобров, как называли их мореходы. Позже учёные уточнили: это морские выдры. Ценный пушной мех этих зверей вызвал ажиотаж у промысловиков. В погоне за прибылями они варварски уничтожали их. У берегов браконьерничали японские шхуны. К концу XIX в. на острове Беринга эти звери полностью исчезли. А на Медном в стаде оставалось всего несколько сот каланов.

В 1924 г. в России был принят закон о полном запрете промысла каланов и их охране. Это спасло их от вымирания. Прошло несколько десятилетий, прежде чем стадо стало восстанавливаться [6].

В 1960-х гг. были расширены исследования. На этот раз одним из пунктов программы предусматривался эксперимент по содержанию калана в вольере и наблюдение за его поведением.

Коллеги Хромовских – Дмитрий Чугунков и Геннадий Нестеров помогали ему в работе. Нужно было отловить калана. Подготовили сетку, напоминающую большой сачок. Каждый день вели наблюдения мест, где выходили на ночёвку звери, регистрировали время, когда они уходили в море кормиться.

Утром наблюдения показали: на камнях у берега отдыхает небольшая группа каланов-хо-

лостяков. Море штормит, значит, залежка будет сохраняться и днём. Ветер со стороны моря шевелит ленты морской капусты. Обстановка благоприятная, звери не должны учуять опасность.

Пригнувшись, лавируем среди камней. У скалы оставляем деревянную клетку и замираем. Дальше Борис Хромовских и Геннадий Нестеров ползком подбираются к залежке. В руках Бориса – большой сачок с сетью. Время от времени один из каланов поднимает голову и оглядывается. Но вот он свернулся калачиком у камня, расположился поспать. Прошло несколько минут – и сачок накрывает его. Калан в сетке!

Вчетвером несём тяжёлую деревянную клетку и калана в ней, боясь оступиться на гладких камнях. У дома сотрудники лаборатории проводят ряд измерений новосёла (вес, длину тела, состояние зубов и т. д.) и выпускают в бассейн. Калан бурно реагирует на незнакомое место жительства, бросается из одного угла в другой, обследует бассейн. Но вскоре успокаивается. Борис оставляет ему на деревянной ступеньке морских ежей и моллюсков, пойманных накануне. А через пару суток калан брал пищу даже из рук.

Забот у научных сотрудников прибавилось. До подхода сейнера с рыбой на корм калану приходилось собирать морских ежей и моллюсков. Выручила мойва, нерест которой ожидался со дня на день. Мы выходили ночью с фонариками, проверяли, не начался ли нерест. И однажды ранним тёплым утром увидели: весь берег усыпан небольшой трепещущей рыбкой, выбрасываемой волнами. Мы насобирали несколько вёдер мойвы, которую с удовольствием поглощал питомец.

Общаясь с научными сотрудниками в экспедиции, я видел, как много сил приходилось затрачивать им, чтобы обеспечить выполнение намеченных программ.

Отлов и наблюдение за поведением калана в неволе было частью задуманной программы по переселению каланов с острова Медного на соседний остров Беринга, где они когда-то обитали.

Через несколько лет природа пошла навстречу инициаторам переселения. Зимой 1971–1972 гг. охотник Иван Сокол, промышляя песцов, обнаружил в районе мыса Толстого на острове Беринга небольшую залежку каланов. Летом 1972 г. Борис Хромовских, студент-практикант Дальрыбвтуза из Петропавловска Василий Похоруков и я две недели провели у мыса Толстого на острове Беринга с целью поиска каланов, однако их не обнаружили. Через не-

сколько лет Борису Хромовских всё же удалось переселить небольшую группу этих зверей. Но судьбу их по разным причинам проследить не удалось.

«Только в мае 1977 г., – пишут зоологи В. Ф. Севастьянов и А. М. Бурдин, – нами была обнаружена первая группа каланов на воде в районе бухты Перегрёбной численностью около 50 животных, среди которых было шесть самок с детёнышами.

Исходя из этих наблюдений, следует предположить, что процесс переселения каланов с о. Медного на о. Беринга носил сначала временный, сезонный характер, и лишь в 1977 г. каланы полностью обосновались на новой территории. С этого времени[,] можно считать[,] начинается неуклонный рост беринговской группы командорской популяции каланов» [7].

Научные сотрудники, изучавшие морских зверей, в своих отчётах неизменно обращались к статьям Сергея Владимировича Маракова, учёного, внёсшего особый вклад в изучение природы и животного мира Командор. На островах он работал восемь лет (1952–1960). С 1955 г. возглавлял наблюдательный пункт ТИНРО, преобразованный в 1959 г. в лабораторию морских котиков. В 1960 г. Сергей Владимирович переехал в Киров, на работу в научно-исследовательский институт животного сырья и пушнины, но связи с островами не терял, приезжая в командировки. Во время одной такой командировки я и познакомился с ним. Позже мы встречались в Петропавловске и на острове Беринга. На Командорах он был «свой среди своих». Его все знали, и он всех знал. И помогали ему в работе.

Однажды с группой научных сотрудников мы долго не могли попасть на остров Медный. Но вот в командировку прибыл Сергей Владимирович Маракон и, не теряя времени, договорился на зверокомбинате о выделении сейнера на остров Медный. А высадившись там, на следующий день отправился в поход по острову, пригласив нас. В резиновых сапогах, с рюкзаком за плечами, с биноклем и фотоаппаратом на груди он шёл по своим прежним местам, наблюдая за зверями и птицами, отмечал изменения, много фотографировал. На прибрежной полосе его интересовали любые мелочи, которые могли обогатить тему его работы о продуктивности морских побережий. К концу похода рюкзак распухал от находок, в нём были черепа морских зверей, кости и зубы погибших животных – всё, что могло послужить науке.

Внешний вид рюкзака свидетельствовал, что ему не однажды пришлось побывать в переделках. На одном из привалов Сергей Владимирович подтвердил: «Мы с ним тонули однажды у этих берегов. Накатом волн перевернуло шлюпку, и мы с приятелем оказались в воде. Автоматически я освободился от рюкзака и стал выгребать к берегу. Впереди чёрная скала, обрывающаяся в море, рифы, вокруг которых бурлит вода. Рядом барахтается обессиленный товарищ. Поддерживаю его, и вдруг вижу рядом свой рюкзак на гребне волны. Я вцепился в него мёртвой хваткой. В рюкзаке – дорогие для меня фотоплёнки с кадрами зверей и птиц. Так вместе с рюкзаком и товарищем мы выкарабкались на берег».

Многолетние наблюдения животного мира Командорских островов стали темой его первой книги «Край непуганых птиц» (1966). Иллюстрированная прекрасными фотоснимками, она вызвала широкий интерес у любителей природы.

В 1968 г. вышла из печати монография «Калан. Морская выдра», написанная им в соавторстве с И. И. Барабаш-Никифоровым и А. М. Николаевым [8]. В ней обобщены результаты исследований этого малоизученного редкого зверя. Авторы подчёркивают приоритет русского названия зверя «калан», происшедшего от слова «калаха», которое широко употреблялось аборигенами Камчатки. «В частности, старое название одной из южнокамчатских рек – Каланка или Каланская[,] возникло от того, что на ней встречались каланы», – пишут они. Позже русские зверопромышленники переименовали его в морского или камчатского бобра.

В 70-е гг. публикуется ряд научно-популярных книг С. В. Маракова: «Природа и животный мир Командор» (1972), «Каланы возвращаются на берег» (в соавторстве с В. В. Дёжкиным), «Загадочный мир островов» (1977), «В природу с фотоаппаратом» (1978).

В феврале 1973 г. я получил от Сергея Владимировича бандероль, в котором находились книга «Природа и животный мир Командор» с дарственной надписью и письмо.

«С большой радостью посылаю тебе свой командорский опус. Испытал он немало мытарств. Из-за недостатка бумаги при 120 тысячах заявок издали 25 тысяч, после гранок усекновили почти на два листа. Есть и огрехи. Думаю, кто понимает тернистые пути книжек, суету и трудность их подготовки, тот простит.

Старики (Барабаш, Ильина, Иогансен, Игошин) приняли её весьма хорошо. Рад, что на закате их жизни доставил им приятное.

На днях получил альбом от Гиппенрейтера. Конечно, впечатлён, но неполон и недоработан. Гардиан Дмитриев (художник альбома), прочитав книжку и посмотрев мои слайды, только качал головой и сожалел... И всё же альбом хорош! Я его рассматриваю с удовольствием, и заразился идеей детальнее посмотреть юг о. Беринга.

Как твои дела? Что творишь в тайне от общественности? Где будешь летом? Я собираюсь с начала июня попасть на Камчатку, возможно на о. Старичков. Острова стали моей болезнью. Много дел сейчас. Снова секретарствую. Чтобы как-нибудь подогнать докторскую диссертацию, взял отпуск на месяц за 72-й год...

15 февраля сдал в издательство "Северного морского котика". Издательство "Наука" издаёт его по плану небольших монографий. Объём около 7–8 листов.

"Каланы" с Дёжкиным снова выходят на "берег" где-то в мае-июне. Удалось их хорошо подсвежить и дополнить.

Всем друзьям на Камчатке поклон. Крепко жму руку. Твой Сергей».

В начале сентября 1973 г. он прислал книгу «Каланы выходят на берег», вышедшую в издательстве «Мысль» вторым изданием. «Оформление хуже прошлого. Но текст дополнен и подработан солидно, – писал он. – Живу в суете. Пока снова в Москве, редактирую в издательстве "Северного морского котика" [9] и оформляю заявку на книгу "Загадочный мир островов". А там новая работа – заведующим кафедрой биологии промысловых зверей и птиц в Кировском сельскохозяйственном институте...»

Работая преподавателем в институте, Сергей Владимирович воспитал сотни биологов-охотоведов, многие из которых, по его рекомендации побывав на Командорах на практике, приехали сюда работать и зарекомендовали себя высококвалифицированными специалистами. Вот некоторые из них: Н. И. Мымрин, В. В. Фомин, В. В. Вертянкин, В. Н. Бурканов, А. М. Бурдин, В. Ф. Севастьянов С. И. Корнев, Д. В. и М. Г. Шитовы и другие.

В мемориальном комплексе, рассказывающем о последователях Георга Стеллера, один из стендов посвящён С. В. Маракову (1929–1986). В нём отмечается, что Сергей Владимирович прибавил в список фауны островов 6 новых видов птиц. Ему принадлежит идея переселения кала-

нов с острова Медного на остров Беринга. Он – один из инициаторов создания природного заказника, который в 1993 г. был преобразован в биосферный заповедник имени С. В. Маракова.

В последние годы своей жизни Сергей Владимирович работал над книгой рассказов для детей, но не успел завершить. Её дополнила дочь учёного и писателя Наталья Фомина, работаю-

щая на острове Беринга директором краеведческого музея. В 2015 г. она издала книгу «Мир птиц Командорских островов», иллюстрированную прекрасными фотоснимками её мужа В. В. Фомина и сыновей Сергея и Александра.

Новое поколение исследователей продолжает изучать мир природы Командорских островов.

1. *Стеллер Г. В.* Описание земли Камчатки. Петропавловск-Камчатский : Новая кн., 2011. С. 15–23.
2. *Никулин П. Г.* Новое котиковое лежбище на северо-западном мысе острова Беринга // Вопросы географии Камчатки. Петропавловск-Камчатский, 1967. Вып. 5. С. 158–161.
3. Он же. Современное состояние и перспективы роста популяции командорских котиков // Ластоногие северной части Тихого океана. М., 1968. С. 32–42. (Известия ТИНРО. Т. 62).
4. *Болтнев А. И.* Северные аборигены // «Плывать по морю необходимо...» / сост. М. Жилин. Петропавловск-Камчатский, 1998. С. 498–504.
5. *Чугунков Д. И.* Сивучи и котиковое хозяйство Командорских островов // Ластоногие северной части Тихого океана. М., 1968. С. 159–171. (Известия ТИНРО. Т. 62).
6. *Хромовских Б. В.* Экология и численность каланов на Командорских островах // Там же. С. 172–179.
7. *Севостьянов В. Ф., Бурдин А. М.* Перспективы роста беринговской группы командорской популяции калана // Каланы и котики Командорских островов. Петропавловск-Камчатский, 1987. С. 15–19.
8. *Барабаш-Никифоров И. И., Мараков С. В., Николаев А. М.* Калан (морская выдра). Л. : Наука, 1968.
9. *Мараков С. В.* Северный морской котик. М. : Наука, 1974.